

Он жалел, что так и не учился,
все-таки ничем не отличился,
жизнь его прошла неинтересно,
не духовно, да и не телесно...

Умирал он на кровати, дома.
Говорил он перед смертью: - Сема!
Все забудь, сыночек, для учебы,
вылезай, мой мальчик, из
трущобы...

Сема что ж? Женился на Галине.
Перестал брэнчать на мандолине.
Поменял квартиру и обличье
и преодолел косноязычье.

Выучился, став таким манером
радиосерьезным инженером.
И не знает ни дождя, ни тучки
от полочки - до другой полочки.
1967

ДВЕ МОЛИТВЫ

1

Боюсь писать. Все тот же страх
струится потом, бьет ознобом,
лицом рябым и узколобым
стоит в распахнутых дверях.

Где свет? Какой сегодня день?
Нет слов. Пересыхает глотка.
И чья тюремная решетка
на стол отбрасывает тень?

Я знаю, знаю этот бред,
водобоязнь бесчеловечья -
от слабогрудья, узкоплечья
и прочих досточтимых бед.

Но по ночам - что мне до них?
Ночами, над листом бумаги,
пошли мне, Господи, отваги -
я Твой пожизненный должник!

2

Избави, Господи, от тени
Мандельштама,
от на груди моей зияющего шрама,
от слов стреноженных,
врывающихся в стих,
от растревоженных глазниц
полупустых!

Оставь мне, Господи, мою немую
душу.
Когда не вымокну, не выгорю, не
струшу -
авось хоть что-нибудь смогу
произнести.
А не получится - Господь меня
прости...
1968

* * *

Распадаются мысли, и каждый осколок
застревает и ноет в сознание моем.
Я живу на пригорке, и зимний
поселок
словно Брейгелем врезан в оконный
проем.

Эти бледно-холодные близкие дали,
эти ребусы птиц, и людей, и собак -
как бы сами зовут, чтобы их
разгадали,
и пророчат: едва ли и как бы не так!

Птица - глупая тварь, и душа ее
птичья
вместе с телом парит, без особых
примет.
И она не свихнется, постигнув величье
и ничтожество мира в единый момент.

Но Господь бережет наш изнеженный
разум,
опекает, ведет, опускает на дно.
"Вот собаки, и люди, и птицы, а
разом,
целиком этот мир - вам познать не
дано!"

И не надо. И верно: вершинами елок
ограничен простор и реальность
сама.
Но зачем же так ноет в сознание
осколок?
Так мы сходим с ума. И не сходим с
ума.
1984

ИДУЩИЕ МИМО

Что ни башка, то образина.
Несут, урча и лопоча,
кто - два плеча из абразива,
кто - два зажатых кирпича.

Они зачаты от испуга
и рождены из тьмы во тьму.
И так опасны друг для друга,
что ходят врозь, по одному.

Нельзя коснуться, не поранясь,
По бровке - как по краю рва.
И странно вдруг, что, иностранец,
ты понимаешь их слова...
1984

БАЛЛАДА О РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИИ

Ударил с вечера мороз.
Собаки в морду лают.
Висячий мост, железный трос,
сорвешься - не поймают.

Скриплю резиновой ходьбой,
ступаю, как придется.
Там дом с трубой, здесь дом с
трубой,

Заборчики, воротца...

Вдыхаю воздух -
благодать,
гляжу на небо в звездах,
а мыслью: как их угадать,
бухих или тверезых?

Кто мимо - мирный гражданин
иль вор и Стенька Разин?
А я один, как сукин сын, -
за хлебушком, в магазин...

Одна надежда, что бандит
и Разин, слава Богу,
пока кино не доглядит,
не выйдет на дорогу:

Кто там в чужие рубежи,
кого - не доловили?
Уж ты держи его, держи,
Олег Басилашвили!

Держи в упор. Да не того,
что высосан из пальца,
не своего - а моего,
как со-переживальца.

Олег - орел. Он зрит и бдит.
Он крепко понимает,
что жизнь идет, пока бандит
бандита не поймают.

Пока следит живая гнусь
за свежесочиненной,
я, может, живо обернусь
с буханкой вороненной.

Пройду назад при свете звезд
и в отсвете экранов;
взойду на мост, как на помост,
как в сказку про баранов;

доковыляю, доскриплю,
вползу в свою избушку,
запру и печку растоплю,
и отломлю горбушку;

врублю глушилок разнобой;
расслышу срок - и имя.
Там дом с трубой, здесь дом с
трубой -
да пропасть между ними...

"Судьба - труба, судьба - раба,
-
сказал московский лидер..."
А мне пока что - не судьба.
И все, чего не видел,

я завтра утром досмотрю
в спокойствии сохранном,
за что навек благодарю
Олега - с Юлианом.
1985